

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

A movie poster for the film 'Communal Apartment' (Комуналка). The scene is set in a narrow, dimly lit hallway with peeling wallpaper and a single light bulb hanging from the ceiling. A man in a military uniform (Valeriy Sharapov) stands behind a woman in a white nightgown, his hands on her shoulders. The woman has a somber expression. The title 'Комуналка' is written in large, bold, yellow letters with a red, distressed background across the bottom of the image.

Комуналка

1950-й.

КОГДА ЛОЖЬ — СПОСОБ ВЫЖИТЬ. А ПРАВДА — СПОСОБ УБИТЬ.

Валерий Георгиевич Шарапов
Коммуналка
Серия «Подмосковные вечера.
Детективы о послевоенном
уголовном розыске»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74111267
Коммуналка / Валерий Шарапов: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-250172-2

Аннотация

Осень 1950 года. В одной из комнат в московской коммуналке от передозировки снотворного умирает бывший зэк Матвей Зубков. За тонкими перегородками семеро его соседей слышат стоны, хрипы и предсмертный скрежет ногтей. Но никто не приходит на помощь.

Утром милиции скажут – умер тихо, во сне. По естественным причинам.

И ВСЕ СЕМЕРО ПОДТВЕРДЯТ ЭТУ ЛОЖЬ.

Выдавая себя за простого спившегося кладовщика, на место покойного заселяется следователь Аркадий Никитин с семьей. Все верят, что он – никто. Пустое место.

ИДЕАЛЬНЫЙ СОСЕД ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ.

Следователь вскоре понимает, что за каждой дверью прячется своя правда. Каждый из жильцов что-то видел, что-то знает. Но все молчат.

ПОТОМУ ЧТО В ЭТОЙ КОММУНАЛКЕ БОЯТСЯ НЕ УБИЙЦУ. ЗДЕСЬ БОЯТСЯ СОСЕДА.

Никитин под маской кладовщика не может проводить допросы, требовать и угрожать. Он может только вглядываться в глаза, полные лжи, и ждать, когда кто-то из соседей совершит ошибку. Но жена Варя и дочка Маша ждать не могут.

ПОТОМУ ЧТО ОНИ СТАЛИ ПРИМАНКОЙ В КЛЕТКЕ С ВОЛКАМИ.

И главный вопрос здесь уже не «кто убил старика?», а...

КАК НАЙТИ ОДНОГО УБИЙЦУ, ЕСЛИ ВИНОВНЫ ВСЕ?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Георгиевич Шарапов Коммуналка

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

Семеро соседей

Для человека, который впервые переступал порог квартиры номер сорок три, теплая, наполненная густым медовым светом московская осень словно исчезала навсегда. Здесь царили вечные сумерки, а воздух был плотным, многослойным. Он пах старым паркетом, жженной подсолнечной олифой, керосином и чужой, давно слежавшейся жизнью.

– Принимай на себя, Петрович, не тяни! – хрипел потный грузчик с перекошенным лицом. – Правее бери, ну! Тут же сундуки одни!

Аркадий Петрович Никитин, тяжело дыша, перехватил неподъемный край трюмо. На лбу его блестела испарина, выцветший, чуть коротковатый в рукавах пиджак натянулся на плечах так, что, казалось, вот-вот треснет по шву. Медленно, шаг за шагом, они втискивали громоздкую мебель с тремя высокими зеркалами в узкий, казавшийся бесконечным коридор коммуналки.

Свет от тусклой лампочки под потолком скользил по зеркальным створкам, и трюмо, словнодвигающийся перископ, выхватывало и множило куски коридорной жизни: пыльные велосипедные колеса на стене, грязные тазы, продавленные стулья.

Варя шла позади, прижимая к груди Машеньку. Девочке шел второй год, она сосала палец и сонно моргала, убаюканная ритмичным покачиванием материнских рук. Варя остановилась у стены, стараясь слиться со старыми, пожелтевшими обоями. Она кутала дочку в шерстяную шаль и смотрела перед собой напряженно и собранно. Никаких слез, никаких истерик. Только плотно сжатые губы женщины, которая точно знает, что ближайшие месяцы ей предстоит провести на этих пропахших гнилой капустой метрах, рядом с чужими людьми, запертыми в этом лабиринте.

Квартира просыпалась. Звук чужих шагов и тяжелое шарканье по паркету работали как сигнал тревоги. Вдоль коридора одна за другой начали приоткрываться двери. Эко-система реагировала на вторжение.

Первой выросла на пути Клавдия Шмырева. Она стояла у дверей кухни, наглухо застегнутая, с перекинутым через плечо сухим вафельным полотенцем. Ей было лет сорок. Бледное, обтянутое пергаментной кожей лицо выражало брезгливую непреклонность. Волосы были стянуты железными невидимками так туго, что, казалось, от этого у нее непременно должна болеть голова.

– Осторожнее, граждане! – голос у Клавды был резкий, как звук рвущейся ткани. – Вы мне сейчас все углы посшибаете своей машиной! И так дышать нечем. А лишняя мебель крадет кислород. Не забудьте открыть в комнате форточку, чтобы запах к нам не шел.

– Простите, разлюбезная хозяйка, – виновато и как-то заискивающе улыбнулся Никитин, стирая свободной рукой пот со лба. – Мы аккуратненько. Бумага у меня от райжилотдела. У вас комната свободная образовалась, ну начальство депо и пошло мне навстречу...

– Свободная, как же, – донесся из полумрака густой, рокочущий бас.

Из глубины коридора тяжело вывалился Борис Коркин. На нем была расстегнутая выцветшая гимнастерка без погон, галифе топорщилось над сапогами. Он встал посреди прохода, заложив руки за спину, и смерил Никитина тяжелым, бычьим взглядом, в котором безошибочно читалась готовность задавить новосела в первый же день.

– Знал бы ты, интеллигенция складская, от кого она освободилась, эта комнатка, – усмехнулся Коркин, поигрывая желваками. – Вы б сперва батюшку позвали с кадилом, а потом уж зеркала свои буржуйские расставляли.

Варя окинула Коркина быстрым, цепким взглядом, перехватила Машеньку удобнее и продолжала стоять молча.

Из-за спины Коркина, словно из-под укрытия, на секунду выглянуло измученное, но еще сохранившее остатки былой красоты лицо Зины Вороновой. Молодая женщина крепко держала за руку испуганного мальчишку лет семи. Ребенок смотрел на Варю с открытым любопытством, но Зинаида дернула его за плечо и тут же скрылась за дверью своей комнаты, неслышно задвинув щеколду.

В одном из зеркал покачивающегося трюмо Никитин успел поймать отражение молодого щеголя. Валик Осокин, двадцати трех лет от роду, привалился плечом к дверному косяку. В зубах у него дымилась папироса, а трофейный пиджак пятьдесят шестого размера свисал с плеч молодого человека как с огородного пугала.

– Да ладно вам, дядь Борь, пугать людей, – протянул Валик с ленивой столичной усмешкой. – Пусть заезжают. У нас тут весело. Главное, кастрюли на кухне без присмотра не оставлять, правда, соседуски?

Где-то в самом конце коридора, в спасительном мраке, глухо кашлянули. В воздухе поплыл запах хорошего табака. Из-за распахнутой двери, выглянув наполовину, холодными, отстраненными глазами за суетой наблюдала Капитолина Эдуардовна. И там же, почти у самой кухни, бесплотной серой тенью застыла Сима Глушко в растянutom сером свитере. Она не проронила ни слова, даже не шелохнулась, и была похожа на гипсовую статую.

Наконец приоткрылась последняя из восьми дверей в коридоре – робко, всего на ширину ладони. В щели блеснули толстые линзы очков Льва Ильича Залесского. Он попытался сочувственно улыбнуться Никитину, но тут же, испугавшись собственного порыва, поспешно захлопнул дверь.

– Давай, Петрович, еще рывок! – рявкнул грузчик, не обращая внимания на ядовитую атмосферу коммуналки. Конечно, ему тут не жить.

Они наконец дотащили трюмо до двери свободной комнаты. Никитин вынул из кармана ключи, выданные ему в жилищном отделе, кляцнул замком и толкнул дверь плечом. В нос ударил спертый, тяжелый запах заброшенного человеческого жилья. Аркадий кивнул Варе и пропустил жену с дочкой вперед. Затем обернулся к застывшим в коридоре новым соседям, снова добродушно и криво улыбнулся, приглаживая ладонью упавшую на лоб челку.

– Вы уж не сердчайте, люди хорошие, – мягко сказал он. – Обживемся как-нибудь... Мы народ тихий. Кладовщик я, при депо работаю.

Он и грузчик снова взялись за трюмо, последним рывком затащили его в комнату и поставили сбоку от окна. Грузчик с благодарностью принял смятую купюру, шустро сунул ее в карман, пожал Никитину руку и вышел.

Аркадий прикрыл за ним дверь и повернул ключ в замке. Варя, опустив Машеньку на старый, продавленный диван, с облегчением прислонилась спиной к прохладной стене. Добродушная улыбка мгновенно исчезла с лица Никитина. Он окинул комнату тяжелым, цепким взглядом, распахнул створку окна и коротко, еле заметно кивнул жене.

– Вот тут мы теперь будем жить.

Глава 2

Нехороший диван

Комната была относительно большой. Как сказали Никитину в жилотделе, одна из самых просторных в коммунальной квартире номер сорок три. Сквозь тусклое, давно не мытое стекло слабо сочился октябрьский свет, но все же можно было рассмотреть небольшой двор и величественные клены с золотой листвой.

Интерьер был, мягко говоря, убогим: голая лампочка под потолком, сиротливо свернутый у плинтуса пыльный ковер и продавленный диван в углу, на котором недавно мучительно умирал человек. Запах затхлой ткани и какого-то застарелого лекарства был настолько плотным, что саднило в горле.

Никитин тяжело опустился на скрипнувший стул и прикрыл глаза. Достал из кармана мятый платок и медленно вытер взмокший лоб. Он казался сейчас невероятно уставшим – плечи опущены, складки у рта стали резче, глубже.

Варя стояла у окна, прижав руки к груди. В ее глазах плескалась почти осязаемая, немая тоска. Она окинула взглядом эти обшарпанные стены, осыпающуюся штукатурку, и губы ее дрогнули.

Машенька подбежала к подоконнику, встала на цыпочки и прижалась носиком к стеклу.

– Дядя, – звонко сказала она, показывая пальчиком на дворника, лениво гоняющего сухую листву по асфальту. Ее детский, чистый голос прозвучал в этой мертвой комнате чередно и даже страшно.

Варя порывисто шагнула к мужу. Лицо ее было смертельно бледным, пальцы нервно теребили бахрому старой шерстяной шали.

– Аркаша... – начала она сдавленным, прерывистым шепотом, в котором звенело неподдельное отчаяние. – Я не выдержу здесь. Ты же чувствуешь... этот запах. Тебе обещали, что здесь будет чисто и светло, после ремонта... А на самом деле... Как же мы теперь, Аркаша?

Никитин открыл глаза. Плавным движением он поднял руку. Указательный палец лег на губы. Варя мгновенно осеклась. Она тяжело сглотнула, словно подавилась собственными слезами, и, покорно опустив плечи, снова отступила к окну. Сцена выглядела как внезапный срыв измученной женщины, которую грубо, одним жестом осадил уставший, доведенный до края муж. И только они двое знали, что эти слова были репликой в спектакле, сыгранной для тех, кто мог в эту секунду стоять по ту сторону двери.

Варя опустила взгляд на подоконник, увидела маленькую, со спичечный коробок, деревянную матрешку с искусно вырезанными глазками, губками и носиком, машинально коснулась ее пальцем, не понимая, что это, откуда эта вещица здесь. Матрешка упала, покатилась по подоконнику, но не

свалилась на пол, а забилась куда-то в щель под рамой.

Никитин молча поднялся, подошел к стене, разделяющей их комнату и коридор, и выразительно постучал костяшками по старым обоям. Звук получился глухим, но Никитин все понял: картонка, а не стена.

Затем он шагнул к двери. Неслышно, мягко шагнул, хотя ботинки его были тяжелыми, стоптанными. Варя затаила дыхание. Никитин взялся за ручку и резко, без скрипа, дернул дверь на себя.

В открывшийся проем едва не ввалилась серая фигура. Это была та самая незаметная женщина неопределенного возраста в серой кофте, Сима. Она нелепо взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие.

– Ох, мамочки, – негромко воскликнула Сима, прижимая к груди войлочный тапочек. Непонятно было, с какой целью она держала его в руках. То ли переобуться собиралась, то ли бить тараканов, то ли использовать его как щит. Лицо ее пошло красными пятнами, но в глазах, белесых и цепких, никакого страха не отразилось.

Никитин застыл на пороге. На лице его возникло идеальное, почти простодушное удивление.

– Простите, гражданочка, – он развел руками, чуть склонив голову. – Вы уж не сердитесь ради бога. Чуть было с ног вас не сбил. Никак заблудились в собственном коридоре?

Сима быстро поправила свою бесформенную кофту.

– И вовсе не заблудилась, – прошептала она, стреляя глаз-

ками в полумрак комнаты. – Я, это, проверяла... не дует ли вам. А то щели тут... У покойного-то всегда сквозняком тянуло. Он все кашлял да кашлял.

– Заботливая вы какая, – Никитин добродушно хмыкнул, доставая из кармана пачку папирос. – Спасибо. Только мы народ привычный. У нас в депо, на складе, и не такие сквозняки свистят.

– Ну-ну, – Сима попятилась, не сводя с него глаз. – На складе – это хорошо. Это сытно. – Она вдруг подалась вперед и зашептала еще тише, обдав Никитина запахом лука. – Вы бы диванчик-то его... того... на помойку снесли. А то ведь он на нем прям и отдал богу душу. Все стены исцарапал. Нехорошая мебель.

Никитин медленно достал папиросу, помял ее в пальцах.

– На помойку – это расточительно. Мы газетами застелем, – вздохнул он, изображая хозяйственную скупость. – Пойду-ка я, покурю. Где у вас тут курят-то?

– Да на кухне, где ж еще, – буркнула Сима, разочарованная реакцией нового соседа, и бесшумно, как мышь, растворилась в полумраке коридора.

Никитин перехватил испуганный взгляд Вари, чуть заметно кивнул ей, ободряя, и закрыл за Симой дверь.

Глава 3

Сизый чад

Варя разбирала узлы, двигаясь по комнате неуверенно, словно пол был покрыт скользким льдом. Весь их нехитрый скарб уместился у одной стены. Кроме трюмо комнату заполняли старый фанерный чемодан с ободранными углами, два туго перевязанных узла с бельем да детская кроватка, которую Никитин только что собрал, подложив под качающуюся ножку свернутый кусок газеты. Ни картин, ни ковров, ни хрусталя, а только скромный быт людей, которых жизнь внезапно вышвырнула с обжитого места на самое дно чужой коммуналки.

Варя то и дело замирала, прислушиваясь к звукам за стеной. Когда в коридоре протяжно, с каким-то надрывным стоном скрипнула половица, она вздрогнула так, словно ее ударило током и бросилась к Машеньке. Подхватив на руки ничего не понимающую малышку, прижала ее к себе и с расширенными от ужаса зрачками уставившись на хлипкую дверь. Ей, гордой и красивой женщине, вдруг стало невыносимо жаль и себя, и Аркашу, и Машеньку, вынужденных теперь прозябать в комнате умершего зэка и вздрагивать от каждого шороха маргинальных соседей. Не бедность угнетала ее больше всего. Варя смотрела на стены с животным,

липким страхом потому, что знала: прямо за ними, всего в нескольких шагах, обитает опасный и коварный человек.

Никитин понимал, что происходит в душе у Вари, но не пытался успокаивать жену. Вместо этого он достал из кармана перочинный нож, отвертку и принялся методично, почти любовно разбирать дверной замок. Он вычищал из него многолетнюю грязь, смазывал механизм машинным маслом, добиваясь, чтобы защелка ходила мягко и бесшумно. Дверь была приоткрыта на два пальца, и сквозь эту узкую щель Аркадий Петрович неотрывно наблюдал за коридором. Он видел, как жильцы ходят в уборную, задерживаются у чужих дверей, как Сима шаркает своими войлочными тапками, сливаясь со стенами. Старая, вьезшаяся в сознание профессиональная привычка следователя подмечать каждую мелочь никуда не делась, даже когда на плечах оказался чужой куцый пиджачок.

Закончив с замком, Никитин взял со стола бумагу с печатью и вышел в коридор. Он направился на слабый желтый свет кухни, стиснув в зубах неприкуренную папиросу. Шел медленно, разглядывая обшарпанные чемоданы и ржавые корыта, висящие на стенах. Скромный, застенчивый, небогатый кладовщик Аркадий Петрович Никитин, которому повезло въехать в комнату покойника, шел знакомиться с новыми соседями.

На общей кухне стоял сизый чад. Шипели примусы, коптели керосинки, пахло жареным луком и мокрым бельем,

которое сушилось тут же, на веревках под почерневшим потолком. Над плитой нависала старшая по коммуналке Клавдия Шмырева.

Никитин шагнул на кухню, чуть ссутулившись. Приблизился к Клаве и, виновато улыбаясь, протянул сложенный вчетверо листок бумаги.

– Вы уж простите, что мешаю, хозяйюшка, – начал он негромко. – Вот, ордер из райжилотдела. Мы прежде по углам ютились. Даже на складе прошлое лето жили. И вот наконец страна позаботилась. На всех законных основаниях заселяемся к вам. Не беспокойтесь, мы люди тихие...

Клава брезгливо вытерла красные, словно сваренные, руки о передник, взяла бумагу двумя пальцами и поднесла к свету. Знакомая бумажка с подписью, придавленной фиолетовой печатью райисполкома.

– Кладовщиком при депо работаешь? – процедила она, возвращая ордер. – Ну-ну. Тихие вы сперва все. А потом скорородки пропадают.

– Зачем же чужое брать, – Никитин развел руками с искренним миролюбием. Он достал из кармана свернутый кулечек и деликатно положил на край стола. – Вот, чайку грузинского со склада списали... И сахарок тут, колотый. С удовольствием выпью с вами за знакомство, время у меня пока еще есть. График у меня, знаете ли, дурной. То в ночь ставят вагоны считать, то в день. Так что вы не пугайтесь, если я по ночам дверью скрипеть буду. Работа такая.

Из глубины кухни за ними наблюдал пижонистый Валик Осокин. Молодуха Зинаида, торопливо помешивающая вариво в своей кастрюле, даже не обернулась, но спина ее напряглась.

Никитин закурил. Он стоял расслабленно, как простой мужик, уставший после работы. Щурясь от едкого табачного дыма, он смотрел на багровые, суетливые Клавины руки; видел, как Валик прячет в карман какую-то блестящую безделушку; мимоходом обратил внимание на мертвую хватку, с которой Зина вцепилась в ручку сотейника. Каждый из них старался не смотреть другим в глаза.

– Чай – это хорошо, – буркнул откуда-то из-за буфета фронтовик Коркин, снимая с веревки тельняшку. – Складская должность – полезная. Ты, главное, Аркаша, на рожон не лезь и нос куда не надо не суй. Тут до тебя один уже совал...

– Да куда мне, – покладисто кивнул Никитин. – Мне бы до койки добраться да смену отстоять.

Он затушил папиросу о край раковины и широко улыбнулся, как бы подводя итог: знакомство состоялось и отныне все они – дружные соседи.

Глава 4

Моль в сундуке

Кухня напоминала раскаленный котел, в котором варились чужие жизни. Ближе к завтраку здесь собрались почти все, и казалось, что воздух, сизый от чада примусов и дешевого табака, можно было резать ножом.

В самом темном углу, у облупившейся водосточной трубы, восседала Капитолина Эдуардовна. Невероятно худая, с идеально прямой спиной, она казалась призраком из давно сторевавшего мира. В потертом шелковом кимоно, наброшенном поверх платья, и в тяжелых, стоптанных мужских ботинках на босу ногу, старуха методично курила недешевый «Казбек». Папиросу она вставляла в потемневший от времени серебряный мундштук. Капитолина ни с кем не говорила, лишь смотрела сквозь дым с холодным, отстраненным высокомерием биолога, изучающего возню инфузорий в мутной капле воды. Эта огромная квартира когда-то до уплотнения целиком принадлежала семье ее отца, а теперь от прошлого остался лишь этот мундштук да узкий восьмиметровый пенал бывшей комнаты Матвея Зубкова.

Рядом надрывался, заглушая шипение масла, фронтоник Коркин. Он размахивал руками, багровел и орал на Валика из-за пролитой на пол воды, явно что-то маскируя этой яро-

стью, какие-то свои внутренние, хорошо спрятанные проблемы. Валик, привалившись к подоконнику, огрызнулся и нервно шутил, то и дело поправляя на своих плечах несоразмерный пиджак. Красавица Зинаида, забившись в узкое пространство между раковиной и сушилкой, судорожно прижимала к себе сына Петьку, едва ли не зажимая ему рот ладонью, чтобы мальчик не вздумал пикнуть что-либо непозволительное скандалящему соседу. А у самой двери, почти сливаясь со стеной, сизым облаком плыла одинокая Сима – бесшумная тень, ловящая каждое слово.

Аркадий сидел с краю у кухонного стола, ссутулившись, как человек, давно и безнадежно уставший от жизни. Он медленно попивал крепкий чай из треснувшей фарфоровой кружки, наблюдая за соседями тяжелым, мутным взглядом униженного, сломленного человека, которому больше некуда спешить.

– Хорошие тут у вас щеколды на дверях, крепкие, – вдруг произнес он, но многим показалось, что это был вопрос, который мгновенно прорезал кухонный гомон. Никитин достал из кармана пустой спичечный коробок и задумчиво покрутил его в огрубевших пальцах.

– Только, знаете ли, щеколда спасет от чужого человека, – продолжил он, глядя куда-то в центр липкого линолеума. – А от своих мыслей – ни в жизнь. Они ведь как моль в старом сундуке: вещь снаружи вроде целая, рукавом проведешь, пыль сотрешь, а внутри – одна труха. И вот съест эта

моль человека изнутри, и останется от него только пиджак с чужого плеча... Да детский страх в глазах.

Никитин поднял голову, тяжело оперся локтями о стол и посмотрел в упор на Валика.

– Спичек не одолжите, Валентин?

На кухне повисла жуткая, звенящая тишина. С тихим стуком из рук Зинаиды выпала ложка. Женщина побелела так, что ее лицо стало похоже на гипсовую маску, и еще крепче, до боли, стиснула плечо сына. Валик с привычным высокомерием повернул голову в сторону Никитина, его холеная рука рефлекторно погладила лацкан этого самого «пиджака с чужого плеча». А Коркин, еще секунду назад сотрясавший воздух басом, вдруг поперхнулся и замолк, тяжело засопев. Лишь Капитолина Эдуардовна чуть заметно усмехнулась и выпустила в потолок тонкую струю дыма. Создалось впечатление, что кладовщик, навидавшийся всякого, случайно ткнул пальцем прямо в открытую рану, сказав уважаемому обществу нечто непозволительное и даже оскорбительное.

Молчание прервала старшая по квартире Клавдия, которая все это время маниакально, с ожесточением терла кухонную плиту жесткой мочалкой, пытаясь вычистить давно въевшуюся под чугун грязь, и при этом ее острые локти ритмично дергались.

– Плита свободна, Аркадий, – сухо бросила она, не обращившись и нарушая оцепенение сожителей. – Пойду скажу вашей жене, пусть идет готовить. Ребенку пора завтракать.

А то вы, я погляжу, застенчивые, философствовать горазды. Так и без горячей еды останетесь. Тут, знаете ли, кто первый встал, того и тапки.

Она бросила мочалку в раковину, вытерла красные руки о передник и, чеканя шаг, вышла из кухни. Валик тут же извлек из кармана коробок и, не глядя в глаза Никитину, медленно положил его на край стола, словно сунул взятку высокой особе.

Спустя минуту на кухню торопливо вошла Варя. Она выглядела растерянной и напряженной. Окинув пугливым взглядом замерших соседей, она подошла к плите и принялась переставлять чугунки, пытаясь разобраться, где здесь общая утварь, а где чужие, неприкосновенные кастрюли.

Никитин тяжело поднялся, чиркнул спичкой, прикуривая помятую папиросу, и, не сказав больше ни слова, вышел в коридор.

Там царил полумрак. Аркадий сделал несколько шагов по скрипучему паркету в сторону своей комнаты и вдруг остановился.

Возле их двери замерла Клавдия. Увидев Никитина, она резко отдернула руку от ручки. На ее лице, обычно непроницаемом, мелькнул испуг. Тяжелый, пронизательный взгляд бывшего следователя безошибочно выхватил нюанс: Клавдия не просто стояла рядом с дверью его комнаты. Он был почти уверен в том, что она только что вышла оттуда, и в ту самую секунду, когда Никитин появился в коридоре, успела

бесшумно прикрыть за собой дверь.

Глава 5

Квадратные метры

Октябрьское солнце мягко прогревало широкую аллею, выстланную палыми, влажными листьями. В воздухе плыл тот особенный, терпкий запах увядания и дыма от сжигаемой листвы, который бывает в Москве только короткой порой бабьего лета.

Аркадий и Варя шли не спеша. Машенька, смешно переваливаясь в своих осенних ботиночках, топала впереди, то и дело нагибаясь за особенно ярким кленовым листом или блестящим желудем. Здесь, на воле, вдали от душных, пропахших жиром стен сорок третьей квартиры, дышалось удивительно легко. Но напряжение, которое они почувствовали сразу после заселения, так и не отпускало.

Никитин шел, засунув руки глубоко в карманы куцевого пиджака. Он щурился на солнце, но взгляд его оставался тяжелым, отсутствующим. Варя, поправив на плечах шаль, с тревогой покосилась на мужа.

– Знаешь, Аркаша, меня эта Клавдия пугает, – тихо сказала она, следя глазами за дочерью. – Помнишь, как она на меня смотрела на кухне... словно ножом буравила. Я в этих кастрюлях начала разбираться, а она стоит за спиной, сопит, молчит. И все трет эту плиту, трет. У нее глаза какие-то...

неживые. Как у рыбы сушеной.

Никитин достал папиросу, чиркнул спичкой.

– Клавдия Шмырева? Да, кость сухая, – задумчиво хмыкнул он, выпуская дым. – В таких коммуналках всегда одна такая заводится, ее и назначают старшей. Хозяйка Медной горы местного разлива. Чуть что не так – сживет со свету. А ты видела, как этот пижон, Валик, на Коркина смотрел?

– Видела, – Варя зябко передернула плечами. – Исподлобья, как побитый, но укусить готовый. А Коркин... тяжелый он мужик. Когда заорал на кухне, у меня от его голоса аж мурашки по коже. И Петька этот, Зинкин мальчонка, сразу за подол матери спрятался, словно этот Коркин уже его бил когда-то. Жизнь там у них, конечно... не приведи господь.

Они помолчали. Машенька с радостным визгом бросила в лужу охапку собранных листьев, и Варя торопливо шагнула к ней, чтобы оттащить от воды.

– А старуха эта, Капитолина Эдуардовна? – спросила она, вытирая дочке руки платком. – Сидит, как изваяние. Только мундштук в руке сверкает. И ведь ни с кем не здоровается даже. Барыня. А Сима эта... серая мышь. Я, когда в коридор выходила, чуть на нее не налетела. Стоит в темноте, затаившись, дышит тихо-тихо... Аркаша, ну и местечко нам досталось. Как в террариум попали. Никто никому в глаза не смотрит.

– Террариум и есть, – серьезно ответил Никитин. – Они там все друг друга на дух не переносят, да только помалки-

вают. Ладно, Варя. Ты за Машей поглядывай, а я тут на минутку забегу. Нужно в райжилотделе отметиться, да и вообще, уважение проявить.

Он осторожно прикоснулся к щеке жены и зашагал к массивному серому зданию райисполкома, над входом в которое тяжело свисал красный выцветший флаг.

Коридор райжилотдела был полон народу. Очередь страждущих гудела у дверей инспекторов. Виновато сутулясь и извиняясь, Никитин протиснулся в приемную. За массивным столом сидела дородная секретарша с начесом, грозно лягая клавишами пишущей машинки «Ундервуд».

– Здравствуйте, товарищ, – Никитин снял кепку и застенчиво улыбнулся, положив на край стола сложенный вчетверо ордер. – Я вот, доложить. Никитин моя фамилия. Который из железнодорожного депо. Заселились мы, значит. Все в порядке, комната светлая, жалоб не имеем. Спасибо вам огромное за заботу о человеке труда.

Секретарша оторвалась от машинки, подозрительно смерила взглядом потертый рабочий вид Аркадия, но, увидев его искреннюю улыбку, смягчилась.

– Знаю, знаю, Никитин, в сорок третью квартиру въехали. Вместо покойного Зубкова. На метры личного фонда прокуратуры города. – Она выдернула из машинки отпечатанный лист, положила его в папку, зарядила каретку новым листом. – Я ваш ордер на подпись начальнице носила. Ну и хорошо. Обживайтесь там. Квартирка, конечно, шумная, да вы

люди молодые, привыкнете.

– Привыкнем, конечно, – развел руками Аркадий. Он тяжело вздохнул и почесал затылок на манер простоватого деревенского мужика. – Соседи вот только... косо смотрят. Я уж грешным делом подумал: может, мы чье-то место заняли? Вдруг комната Зубкова кому-то из соседей по закону причиталась? Той же Клавдии Ивановне или, скажем, Зинаиде с ребенком? Они небось теперь на нас зуб точат, что мы их квадратные метры из-под носа увели?

Секретарша фыркнула и снисходительно поправила начес.

– Да ладно! Что это вы пугливый такой, Никитин! Насчет вас было прямое распоряжение из прокуратуры города. А это ого-го какая сила! И мы все сделали по приказу. А ваши соседи, – она пренебрежительно махнула рукой, – никому из них эта комната не светила. Я лично проверяла историю сорок третьей. Там у всех нормативы удовлетворительные, по санитарным нормам проходят. У Коркина, например, жена ушла, так он один на своих метрах жирует. Залесский тоже один. Так что не бойся, кладовщик. Жируй, так сказать, в хоромах прокуратуры. Никто без особого распоряжения оттуда, – секретарша со смыслом показала пальцем в потолок, – тебя не выселит.

Лицо Никитина растянулось в простодушной улыбке.

– Вот спасибо, успокоили. А то жена прямо извелась вся. Ну, пойду я, не буду отрывать от государственных дел. Здо-

ровья вам.

Он вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой массивную дверь. Коридор продолжал гудеть как улей, и чтобы выйти на улицу, Аркадию пришлось протискиваться сквозь толпу усталых и грустных людей.

Выйдя на крыльцо, Никитин натянул кепку. Улыбка слетела с его лица, как содранный пластырь. Кислым взглядом он уставился на свои стоптанные рабочие ботинки. Значит, никто из проживающих в сорок третьей квартире не мог претендовать на комнату Матвея Зубкова. Следовательно, у четы Никитиных нет причин для конфликтов с соседями.

Ну и следующий вывод. Если, конечно, он был кому-то интересен: никто из семерых жильцов квартиры не мог желать смерти Матвея Зубкова ради его двадцати квадратных метров.

Глава 6

Серая моль

Никитин зашел в комнату, как можно плотнее прикрыв хлипкую фанеру двери, и замер у порога. Воздух по-прежнему был затхлым, с тяжелым привкусом старой мастики, въевшейся в паркет. Пришлось снова раскрывать окно нараспашку. В коридоре слышалась привычная суета, звуки шагов, звон ведер, кто-то переругивался из-за таза в уборной. Но Никитин этого не замечал.

Его взгляд медленно и цепко изучал тесное пространство, переходя от окна к дивану, оттуда к трюмо и детской кроватке. В этой комнатушке еще недавно обитал странный одинокий человек, умерший странной смертью.

Из головы не уходила Клавдия. То короткое, наполненное испугом мгновение, когда он застал ее у своей двери. Сомнений не было: сухая, маниакально трущая плиту соседка заходила сюда, пока Варя суетилась на кухне с кастрюлями, а он сам курил у раковины. Но что ей здесь было нужно? Почему скрытно?

После внезапной смерти Матвея Зубкова милиция опечатала комнату, заперев дверь на ключ и наклеив бумажку с чернильной печатью. Для соседей эта дверь стала непреодолимым препятствием. Никто из них не мог проникнуть

внутри вплоть до сегодняшнего утра, когда Никитин сорвал бумажку и внес трюмо. И вот старшая по квартире Клавдия Шмырева, выгадав секунду, скользнула в комнату покойника.

Никитин подошел к своему пожелтевшему чемодану, который он задвинул под колченогий стол. Присел на корточки, оглянулся на дверь. Пальцы быстро пробежались по ремням. Он расстегнул замок, поднял крышку. Внутри блеснула ледяная сталь табельного «ТТ». Пистолет был на месте, обоймы – тоже. Документы уложены так, как он их оставил. Клавдия не рылась в его вещах. Ей не было дела до имущества кладовщика.

Тогда что?

Никитин выпрямился, прошелся вдоль стен, оглядывая каждый миллиметр подоконника и старого трюмо. Варини расчески, недорогая пудра, стопка детских пеленок, несколько книг, прислоненных к мутному стеклу, – все было нетронутым.

Никитин подошел к окну и тяжело оперся ладонями о подоконник. Провел шершавой ладонью по облупившейся краске, задержался взглядом на углу трюмо. И вдруг нахмурился.

На кружевной салфетке, брошенной Варей для уюта, сиротливо лежал деревянный рожок для детских ботиночек.

– Погоди-ка, – пробормотал Никитин себе под нос, прищурившись. – Тут же еще стояла деревянная матрешка...

Он помнил ее отчетливо. Небольшая, из полированного, почти мореного дерева деревяшка, с рельефным, тонко вырезанным личиком, явно вышедшая из-под резца умельца. Это была не игрушка, а скорее брелок или талисман. Тяжелый и гладкий, выточенный из цельного куска дерева. Без секретов и пустот внутри. Матрешку первой нашла Варя. Не придав ей значения, щелкнула по ней пальцем, загнала под раму.

Никитин еще раз обшарил пол под трюмо, заглянул за батарею. Пусто.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла Варя. Она несла в руках дымящуюся глубокую тарелку с манной кашей для Машеньки, которая тут же начала радостно улюлюкать.

– Варя, – спросил Никитин негромко. – А где матрешка, которая стояла на подоконнике? Маленькая такая, деревянная. Ты ее вроде брала...

Варя замерла с ложкой в руке, перевела удивленный взгляд с мужа на подоконник.

– Нет, Аркаша, не брала. Кажется, она под раму закатилась. А что?

– Пропала, – констатировал Никитин. – Нигде нет. Маша ее заиграть не могла?

Варя помотала головой, присаживаясь рядом с дочерью на диван и начиная дуть на горячую кашу.

– Да как же она ее заиграет? С дивана Маша не слезала. Да и не достала бы она до подоконника. Вон, сидит, зайца

своего мусолит. Куда бы она матрешку дела?

Никитин устало потер подбородок, глядя в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.